

Раиса покраснѣла и опустила глаза.

— Въ концѣ концовъ, у васъ доброе сердце, — сказала она. — Мнѣ эти пять тысячъ очень дороги. Благодарю васъ, маман.

Она поцѣловала руку у Варвары Тихоновны.

— Отчего только вы не объявили объ этомъ просто, а со слезами? Такъ весело и хорошо на душѣ, а вы чуть было не разстроили меня! Простите меня, не сердитесь.

Стараясь смѣяться, она обняла Варвару Тихоновну и глядѣла ей въ глаза.

— Съ тобой слѣдуетъ вести себя осторожно, Раиса, — произнесла маман и вздохнула. — Я всегда желала тебѣ добра... Иди, прими ванну. Цвѣтовъ прислалъ Федоръ Игнатьичъ. Пожалуйста, будь ласковѣе съ Никодимомъ Павловичемъ. Вчера онъ какъ убитый... Да, вотъ солидный человѣкъ!.. Не забудь, въ этой коробкѣ чепчики. Видѣла? А въ этой — батистовые платки. Впрочемъ, я все сама уложу.

Она увела Раису изъ комнаты. Но Раиса хотѣла быть одна и настояла на томъ, чтобъ Варвара Тихоновна ушла изъ ванной.

Одѣвшись, Раиса выбѣжала въ садъ. На ней было легкое платье, и холодный вѣтеръ кружилъ желтые листья по дорожкамъ. Она могла простудиться, однако мысль объ этомъ не приходила ей въ голову. Ей было пріятно, что въ лицо и грудь бьетъ упругій влажный воздухъ и играетъ ея волосами.

„Послѣдній день, послѣдній день!“ шептала она, подставляя лицо вѣтру.

Радость ожиданія волновала ее: казалось, душа ея спокойна, но тихимъ трепетомъ она охвачена вся, и ей легко, и весело, и не стыдно, что она схитрила съ маман и заставила ее дать приданое; и только хочется быть одной, совсѣмъ одной, чтобы никто не видѣлъ, какъ счастливо смотрять ея глаза и какъ безъ сожалѣнія, безъ вздоха прощается она съ этимъ садомъ, уныло шумящими деревьями и поздними цвѣтами. Она почти бѣжала по дорожкамъ, вдыхая всею грудью свѣжій осенній воздухъ, и на щекахъ ея горѣлъ румянецъ. Не плакать ей хотѣлось, а смѣяться.

„Послѣдній день, послѣдній день!“